

Языковая политика и дилеммы идентичности в Израиле

*Нина Хеймец,
Шуламит Копелиович и Алек Эпштейн**

Демифологизация «возрождения иврита»

Изучение любых языковых феноменов в Израиле не может миновать уникальной истории «возрождения иврита», которая стала привычной частью самосознания израильтян. Однако сложная языковая

* *Нина Хеймец* с отличием закончила обучение в магистратуре на кафедре английской лингвистики Еврейского ун-та в Иерусалиме. В настоящее время работает над докторской диссертацией в Бар-Иланском ун-те. Занимается изучением языковой политики в научных и образовательных ин-тах и проблемами социолингвистической самоидентификации ученых и деятелей культуры из СССР / СНГ в Израиле. Автор статей, опубликованных в журналах «Language in Society», «Language Problems and Language Planning» и др.

Шуламит Копелиович с отличием закончила обучение в магистратуре на кафедре английской лингвистики Бар-Иланского ун-та, где в настоящее время работает над докторской диссертацией и является ассистентом редакции журнала «Language Policy». Написанная ею работа «Preservation and Intergenerational Transmission of Russian Literacy in Immigrant Families with Multicultural Orientation» представляет собой одно из первых эмпирических исследований, посвященных языковой идентичности выходцев из СССР / СНГ в Израиле.

Д-р *Алек Эпштейн* преподает на кафедре социологии и политологии Открытого ун-та Израиля. Автор более тридцати статей, опубликованных в научной периодике в девяти странах. Редактор-составитель и один из соавторов книг «Миграционные процессы и их влияние на израильское общество» (М., 2000) и «Формирование судебной системы и внешнеполитической ориентации Израиля» (Тель-Авив, 2001). Выступал на различных симпозиумах историков, политологов и социологов во всех ун-тах Израиля.

реальность, в которой нашли свое отражение едва ли не все перипетии социально-политической истории Палестины / Эрец-Исраэль, перемежается с устойчивыми мифами.

Слово «возрождение» [*«тхия»*] впервые упоминается в Мишне (напр., Сота 9:15) и является частью выражения «воскрешение мертвых». Таким образом, сам термин «возрождение» (*revival*) иврита предполагает наличие мертвого языка. Согласно расхожему мнению, иврит «умер» после разрушения Второго Храма (70 г. н. э.) и служил затем только языком молитв, фактически застыв в своем развитии. Считается, что древний язык был мертв приблизительно до 1880 года, после чего был «возвращен к жизни» деятелями еврейского просвещения. Символом возрождения иврита стал Элиэзер Бен-Йегуда, возглавивший деятельность по внедрению иврита в качестве основного языка общения и преподавания в еврейском *школе* в Палестине. Язык тысячелетней давности нуждался в кардинальном обновлении и приспособлении к нуждам современного общества. Ведущая роль в процессе обновления языка отводится официальному органу — Комитету языка иврит (основанному Элиэзером Бен-Йегудой еще в 1890 году и впоследствии ставшему Академией языка иврит). Очень часто возрождение иврита определяется словом «чудо», что лишь усугубляет ощущение сказочного сюжета.

Налицо мифологизация и плакатное упрощение гораздо более сложных и неоднозначных процессов. Профессор Х. Рабин в статье «Непрерывность развития современного литературного иврита» убедительно доказывает, что иврит никогда не был мертвым языком. Современный иврит не возник в результате искусственного синтеза источников тысячелетней давности. Процесс развития и обновления литературного иврита — это непрерывная цепь, где каждое новое поколение пользуется «открытиями» своих предшественников¹.

Зарождение еврейского мультилингвализма произошло еще до разрушения Второго Храма в 70 году. Как минимум до окончания восстания под руководством Бар-Кохбы в 135 году н. э. евреи Палестины говорили на трех языках, используя в различных ситуациях арамейский, иврит и греческий. В период Второго Храма арамейский был основным языком межнационального общения в Палестине, на котором говорили набатеи (полукочевой семитский народ, царство которых на территории Негева и Южного Заиордания просуществовало с

конца II века до н. э. до 106 года н. э.), самаритяне (жившие в Шхеме и окрестных районах Самарии и получившие в рамках проведенной римлянами в 56 году до н. э. административной реформы территориальную автономию), эдомитяне (жившие в Иудее и обращенные в конце II века до н. э. в иудаизм) и многие евреи. Значительной была и роль греческого языка. Территория *Эрец-Исраэль*, завоеванная Александром Македонским в 332 году до н. э., на протяжении двух столетий входила в состав эллинистических монархий, и здесь сложилось значительное греческое население; число греческих городов в *Эрец-Исраэль* достигало тридцати. Греческое влияние еще более усилилось в правление Ирода Великого. О степени распространения греческого языка в *Эрец-Исраэль* свидетельствуют две с половиной тысячи греческих слов, встречающихся в Талмуде, письма на греческом, подписанные руководителями восстания Бар-Кохбы, а также греческие папирусы среди рукописей, обнаруженных в пещерах Мертвого моря. Греческий язык хорошо знали представители богатых аристократических семейств, в особенности — в Иерусалиме; уровень владения греческим среди широких слоев еврейского населения был сравнительно невысок. Вместе с тем греческий был основным языком миллионной еврейской диаспоры Египта: с III века до н. э. все сохранившиеся египетские папирусы (за исключением одного), так или иначе касающиеся евреев, были написаны по-гречески. Кроме иврита, арамейского и греческого языков в Палестине в начале новой эры звучала и латынь — прежде всего на ней говорили представители римской администрации и расквартированные в этом районе римские войска.

В период Второго Храма иврит (*lashon kodesh*) играл важную роль в предотвращении процесса ассимиляции евреев среди окружавших их народов. По словам Б. Спольского и Р. Купера, «еврейский мультилингвализм того времени способствовал аккультурации евреев, которая, однако, не вела к их ассимиляции»². Иными словами, по целому ряду военно-политических, демографических и экономических причин евреи вынуждены были постоянно контактировать с другими, часто более могущественными, народами. Изучая их языки, евреи обретали возможность контактировать с ними, обогащая свою культуру достижениями этих народов, однако иврит сохранялся как язык внутриобщинной жизни, игравший важную роль в сохранении еврейского народа.

Иврит сохранялся в качестве разговорного языка в Иудее до II века н. э., а по некоторым данным, возможно, и до IV века н. э.; в Галилее он вышел из разговорного употребления ранее. Перестав быть средством устного общения, иврит сохраняется как язык религии и письменности; основным разговорным языком евреев становится арамейский.

Разрушение Второго Храма и изгнание евреев из *Эрец-Исраэль* действительно нарушили естественную ретрансляцию иврита как родного языка из поколения в поколение. Однако появился институт формального обучения ивриту юношей в рамках обязательного религиозного воспитания. Благодаря этому иврит оставался живым литературным языком, активно используемым не только для молитв и чтения религиозных текстов, но и для литературного творчества³. Таким образом, в еврейских общинах веками складывалась традиция диглоссии — распределения функций между двумя языками или диалектами⁴. Иврит использовался для духовных и образовательных целей (*high functions*), а язык страны рассеяния или разговорный еврейский язык — в повседневном общении (*low functions*). На протяжении веков изгнания существовали многочисленные еврейские общины с крайне низким уровнем владения литературным ивритом, но были и многие другие, оставившие богатое творческое наследие (например, «Золотой век» поэзии евреев Испании). Эпоха Просвещения (*Гаскалы*) в конце XVIII века была одним из таких плодотворных периодов расцвета литературного иврита — звеном в непрерывной цепи, а не внезапным «революционным» прорывом⁵.

Возрождение иврита представляет собой, во-первых, значительное расширение сферы употребления языка. На протяжении менее четверти века иврит превратился из литературного языка немногочисленной элиты в язык современной нации, живущей в своем государстве. В том, что это возможно, многие — даже в самом сионистском движении — испытывали значительные сомнения. Даже Теодор Герцль, которого принято считать основателем политического сионизма, заметил в дневнике, что «в будущем еврейском государстве придется подумать насчет языка для народа [...], ибо кто из нас знает иврит настолько, что может хотя бы объясниться с кассиром о билете на поезд»⁶.

Главным залогом победы был добровольный выбор иврита как языка повседневного общения в прибывших в *Эрец-Исраэль* в первой

четверти XX века семьях репатриантов второй и третьей волны, в *киббуцах* и сельскохозяйственных поселениях. Комитет языка иврит внес свою лепту в создание словарей и нормативной грамматики, хотя и в этих вопросах многие из его постановлений не прижились.

Во-вторых, восстановилась нормальная передача иврита в семьях — из поколения в поколение. На протяжении столетий жизни в странах рассеяния знание иврита поддерживалось в рамках институтов формального образования, где обучались преимущественно мужчины. В 1920-х гг. в *Эрец-Исраэль* выросло первое поколение детей, для которых иврит был родным языком. Вырастая, эти дети создали семьи, где иврит был основным или даже единственным языком повседневного общения. В самом начале периода британского мандата (войска генерала Алленби вступили в Иерусалим в декабре 1917 года) около 40% евреев Палестины (34 тысячи человек) говорили между собой на иврите, в то время как 36% — на идише, 18% — по-арабски и 4% — на ладино⁷. Успех сторонников возрождения иврита был обусловлен тем, что они направляли свою деятельность прежде всего на детей (создание ивритских детских садов и школ): среди детей удельный вес ивритоязычных составлял 54%, в *киббуцах* и *мошавах* достигал 77%⁸. Уже во второй половине 1930-х гг. была развернута масштабная сеть преподавания иврита, включавшая 400 учебных классов, в которых работали 169 преподавателей и одновременно занимались 5420 учащихся⁹. Кроме того, были созданы условия для использования языка не только в учебных заведениях, но и в повседневной жизни. Тот факт, что мандатные власти — под давлением сионистского руководства *шува* — официально признали статус иврита как одного из языков общественной жизни в Палестине (наряду с английским и арабским), также способствовал его дальнейшему распространению. Важно отметить, что, поскольку ни идиш, ни ладино не имели подобного признания, увеличившееся за годы мандата более чем в семь раз еврейское население Палестины (с 84 тыс. чел. в 1922 году до более 640 тыс. чел. спустя двадцать пять лет¹⁰) все больше принимало иврит как единственный общепринятый язык общинной и культурной жизни.

Несогласие с «официальной» версией о возрождении мертвого языка [*revival*] породило необходимость более точно определить суть этого процесса. Дж. Фишман пользуется в этой связи понятием

revernacularization [vernacular — родной язык, местный диалект], возвращение литературному языку разговорных функций¹¹; его коллега Б. Спольский предлагает несколько другой термин — «ревитализация» [*revitalization*], восстановление жизненной силы языка [*vitality*], которая прежде всего опирается на передачу родного языка из поколения в поколение¹². Х. Рабин пользуется термином «возрождение», однако определяет его как «стихийное возрождение», ставя под сомнение ключевую роль Академии языка иврит в успешном распространении иврита и вытеснении соперничавших с ним языков¹³. В любом случае процесс возрождения иврита намного сложнее, чем миф о чудесном воскрешении мертвого языка, ставший привычной частью сознания многих израильтян. Проанализировав около двадцати попыток спасения исчезающих языков, Дж. Фишман пришел к выводу, что самое сложное и самое важное в этом процессе — восстановить естественную передачу родного языка в семье¹⁴. Именно в этом аспекте ивриту удалось почти невозможное, благодаря чему израильский опыт рассматривается социолингвистами как беспрецедентный успех практического воплощения идеологии языкового возрождения.

Основы идеологии ивритского монолингвализма

Как бы ни относились сегодняшние критики к практике «насильственного» внедрения языка, представляется очевидным, что основным фактором, обеспечившим беспрецедентный успех процесса возрождения иврита, стала бескомпромиссная идеология ивритского монолингвализма. Сионистская языковая политика была нацелена на установление и укрепление статуса иврита и как официального языка, и как языка повседневного общения.

Выбор языка общения в семье диктуется как прагматическими, так и духовными причинами. Когда же между этими факторами существует конфликт, требуется исключительно мощная идеологическая сила, чтобы преодолеть прагматические соображения и языковую инерцию¹⁵. В первые десятилетия XX века иврит одержал победу над своими могущественными соперниками — прежде всего немецким (игравшим в те годы центральную роль в сфере науки и образования) и английским (необходимым для социального продвижения в Палестине во времена британского мандата) языками. Немецкий *Hilfsverein*

[«Союз взаимопомощи»], так же, как и Alliance Française, открыли в те годы школы, в которых преподавание велось соответственно на немецком и французском. К своему удивлению, эти организации встретили сопротивление со стороны еврейского *шува*. Необычным было и то, что для большинства наиболее горячих сторонников иврита родным языком был идиш, — то есть ради воплощения идеала возрождения иврита они боролись со своим родным языком!

Тому было несколько причин. Исторические и культурные корни иврита восходили к библейскому периоду, когда еврейский народ был доминирующим народом в *Эрец-Исраэль*. Поэтому было очень символично, воссоздавая свое государство на своей древней земле, выбрать древний язык своего народа в качестве основного языка этого государства. Ожидалось (и эти ожидания вполне оправдались), что евреи приедут в *Эрец-Исраэль* из многих стран рассеяния, где они говорили на разных языках. Несмотря на все различия между течениями и группировками в сионистском движении, существовал консенсус относительно необходимости построения «национального дома» для еврейского народа. Вместе с тем важно отметить, что национализм был движущей силой не только сионистского движения, но и отличительным признаком целой эпохи как таковой. В конце XIX столетия во многих западных странах восторжествовала концепция, согласно которой политический суверенитет должен соответствовать национальному делению и основой политической организации мирового порядка должны стать национальные государства, а не многонациональные империи. Поэтому неудивительно, что сионистское движение также объявило национальное государство не только наилучшим средством решения «национального вопроса», но и необходимым условием возрождения еврейского народа. Утверждение иврита в качестве единого — и единственного легитимного — еврейского языка в Израиле было краеугольным камнем создания единой израильской нации, став неотъемлемой составляющей исповедуемой политическим сионизмом этатистской идеологии государственного строительства. Развитая Бен-Гурионом этатистская идеология призвана была в короткий промежуток времени утвердить в глазах общества легитимный статус «всепроницающего» государства¹⁶. Инструментами и символами этой модели государственного строительства были (и остаются) обязательная армейская служба в единой армии (ради

чего Бен-Гурион пошел на крайне жесткие меры по отношению к вооруженным формированиям ЛЕХИ, ЭЦЕЛЯ и ПАЛЬМАХА), единая система образования (создание которой стало краеугольным камнем принятого в 1953 году Закона о всеобщем государственном образовании) и единый для всех (кроме представителей национальных меньшинств) язык иврит.

С первых лет своего существования сионистское движение развивалось по двум направлениям, во многом дополнявшим друг друга, но исходившим из необходимости решать принципиально различные задачи. С одной стороны, это задача физической защиты евреев диаспоры (прежде всего в Российской империи) от погромов и других проявлений ненависти и расизма. С другой стороны, это задача сохранения духовной и культурной идентичности еврейского народа в странах (прежде всего Центральной и Западной Европы), которые готовы были предоставить ассимилированным евреям равные гражданские права, подвергая тех из них, кто стремился к сохранению связей с традиционным еврейским национальным наследием, все увеличивавшейся изоляции. Таким образом, стремление к созданию независимого еврейского государства было обусловлено как сильнейшим желанием гарантировать возможность еврейского национального самовыражения и политического самоопределения, так и необходимостью найти убежище от агрессивного национализма других народов и серьезными опасениями евреев за свою жизнь, более чем обоснованными в свете волны погромов, прокатившейся по Европе. Достижение политического суверенитета для еврейского народа сионисты считали не только воплощением естественного права каждого народа на самоопределение, но и неизбежной реакцией на положение евреев в Европе и на других континентах — положение находящегося под постоянной угрозой меньшинства¹⁷.

Идея возрождения иврита являлась неотъемлемой частью сионистской идеологии как таковой, стремившейся порвать с наследием изгнания и с языками, на которых говорили евреи, жившие под чуждым владычеством. Показательными в этой связи представляются слова, сказанные в 1935 году Хаимом Вейцманом — ученым, либералом и европейским интеллектуалом: «Мы приехали в *Эрец-Исраэль* не для того, чтобы копировать жизнь Варшавы, Пинска и Лондона. Сущность сионизма — изменение всех ценностей, которые евреи усвоили под

давлением чужих культур»¹⁸. Следует отметить и то, что многолетние преследования евреев в странах рассеяния служили немаловажным фактором, толкавшим прибывавших в Палестину / *Эрец-Исраэль* репатриантов к отказу от языковой и культурной идентификации со странами Исхода и к принятию еврейского национального языка — иврита — как своего рода «остова», вокруг которого будет строиться их новая национальная и культурная идентичность.

Таким образом, монолингвистическая идеология бросила вызов многовековой традиции еврейского многоязычия. В начале XX века евреи в Германии и Восточной Европе говорили на идише, в Италии — на еврейско-итальянском языке, в Иране — на еврейско-персидском, на Кавказе — на грузинском, армянском и татском языках, в Греции — на еврейско-греческом и караимо-греческом, на Балканах и в странах Средиземноморья — на ладино (джудесмо) и еврейско-каталанском языке, в Центральной Азии — на еврейско-таджикском (бухарском) языке, в Индии — на индо-арианском и дравиданском языках, в Северной Африке — на арабском, еврейско-арабском и еврейско-берберском языках¹⁹. На ряде еврейских языков и диалектов (прежде всего идише, ладино, еврейско-арабском и еврейско-персидском языках) создана обширная оригинальная литература. Иврит не был языком повседневного общения ни в одной из еврейских общин мира. Успех возрождения иврита в *Эрец-Исраэль* был достигнут ценой подавления самобытных языков иммигрантов из стран рассеяния, некоторые из которых (прежде всего идиш и ладино) оказались на грани исчезновения. Идея господства иврита легла в основу принципов преподавания языков в многочисленных образовательных структурах ресоциализации иммигрантов, в первую очередь — в *ульпанах*. Сохранение языков культурного наследия иммигрантов воспринималось как угроза основному языку страны и национальному единству ее граждан (политика «плавильного котла»). Иврит должен был служить средством сплочения и аккультурации иммигрантов²⁰. Цели, сформулированные архитекторами языковой политики, были выполнены: согласно переписи населения 1972 года, более трех четвертей (76,7%) евреев — граждан Израиля использовали иврит как основной язык повседневного общения. При этом долгие годы считалось, что успешное овладение ивритом возможно лишь при полном отказе от всех остальных языков в повседневном общении и в общественной жизни²¹.

Бескомпромиссность идеологии ивритского монолингвализма по отношению к иммигрантам внушало им пренебрежение к родному языку и культуре. Оценивая итоги этой политики, бывший министр образования Израиля профессор Амнон Рубинштейн писал: «Очень грустная картина: многоязычное наследие, которое было подано нам, как на блюде, благодаря репатриации в Израиль евреев со всего мира, оказалось выброшенным в мусорную корзину»²². Исследование, проведенное Э. Бен-Рафаэлем в конце 1980-х гг. на выборке из 297 семей (всего было опрошено 1509 человек), показало, что если 62% бабушек и дедушек в той или иной мере владели идишем, то среди их детей этот язык знали 39%, а среди внуков — лишь считанные единицы. Аналогичная картина наблюдалась и применительно к нееврейским языкам, на которых говорили евреи в странах диаспоры. Так, например, польский язык знало около 35% представителей старшего поколения, но лишь менее 2% молодежи, немецкий соответственно — 31% и менее 10%²³. Представляется, что монолингвистическая идеология возрождения иврита заложила основы недемократичной языковой и культурной политики государства. Трудно сказать, что необходимо было сделать, чтобы восстановление одного языка не происходило за счет подавления других, и как именно можно было провести ту тонкую грань, за которой идеологическая приверженность определенному языку ведет общество в тупик неприятия других языков и культур.

И все же, несмотря на все приложенные усилия, идеология ивритского монолингвализма не выдержала испытания временем. Набирающие силу в последние десятилетия глобализационные процессы в политической, экономической и культурной сферах, а также углубляющееся сотрудничество между Израилем и США обеспечили английскому языку высокий статус в Израиле. Происходящий параллельно процесс переосмысления форм коллективной идентификации, приведший к повсеместному отказу (хотя бы на декларативном уровне) от политики «плавильного котла», не только обеспечил легитимацию стремлению прибывающих в Израиль иммигрантов сохранить язык страны Исхода, но и способствовал определенному ренессансу тех еврейских языков, сохранение и развитие которых не предусматривалось идеологами гегемонии иврита. При этом следует отличать тех, кто просто владеет тем или иным языком (или языками), от тех, кто пользуется им как основным языком повседневного общения:

первые — в отличие от вторых — не формируют обособленного языкового сообщества (*speech community*), и их языковой багаж сложился исходя из прагматичных соображений. Ослабление позиций иврита происходило в два этапа: вначале прагматичные соображения «естественным образом» привели к значительному усилению позиций английского языка, а позднее представители различных языковых сообществ идеологически оспорили принципы ивритского монолингвализма.

Языковые сообщества современного Израиля

Выходцы из англоязычных стран и статус английского языка в Израиле

Хотя удельный вес выходцев из англоязычных стран (США, Канады, Австралии, Южной Африки и Новой Зеландии) в Израиле относительно невелик, английский стал первым языком, пошатнувшим устои безоговорочной гегемонии иврита. Исследование, проведенное еще в середине 1970-х гг. Э. Надель и Дж. Фишманом, показало, что книги на английском составляли 60% книжного фонда правительственных, 74% — университетских и 84% — медицинских библиотек Израиля²⁴. С тех пор высокий статус английского языка в Израиле стал еще более очевидным. Хорошее знание английского стало в сегодняшнем Израиле своего рода «маркером» принадлежности к образованному среднему классу²⁵.

Еще во времена британского мандата английский стал «языком межнационального общения» между местными жителями (евреями и арабами) и властью. В первые годы государственной независимости (в 1948–1951 и в 1955–1958 годах) в Израиль иммигрировали сотни тысяч евреев — выходцев из арабских и мусульманских стран (от Марокко на севере до Ирана на юге), многие из которых (в особенности принадлежавшие к среднему сословию) владели французским языком, при этом совсем не зная английского. Подобная ситуация, особенно с учетом напряженных взаимоотношений между британской мандатной властью и еврейским *шувом*, с одной стороны, и усилий правительства, направленных на создание национальной культуры на иврите и освоение иврита всеми иммигрантами, — с другой,

создала все предпосылки для изменения статуса английского языка в Государстве Израиль. Однако действительность оказалась иной. Усилия правительства по насаждению иврита привели к практически полному «стиранию» языков восточной диаспоры, в том числе — французского (его не знает практически никто из внуков тех, кто лишь полвека назад владел им на весьма высоком уровне). С другой стороны, интеграция Израиля в глобализационные процессы, а также все более тесные политические, экономические, военные и культурные связи с американским правительством — основным союзником Израиля — и еврейской диаспорой США не только сохранили, но и еще более подчеркнули высокий статус английского языка в стране²⁶.

Успешная сдача экзамена по английскому языку является неотъемлемым условием получения аттестата зрелости и поступления в любой израильский университет. Многие работодатели считают хорошее владение английским обязательным при приеме на работу — в особенности на должности, подразумевающие высокий оклад и статус.

Важно отметить, что хотя число носителей (native speakers) английского языка в израильском обществе относительно невелико (по данным переписи 1983 года, лишь около 1,5% израильтян используют английский как основной язык повседневного общения; английский уступает в этом отношении не только ивриту, но и арабскому, русскому, идишу и румынскому языкам²⁷), их влияние в распространении языка весьма значительно. Достаточно сказать, что удельный вес носителей языка среди преподавателей английского в Израиле достигает 40% — выше, чем в любой другой неанглоязычной стране в мире. Выходцы из англоязычных стран являются своего рода «проводниками», ускоряющими процесс формирования ивритско-английского билингвализма в Израиле. Как показали исследования Э. Бен-Рафаэля, в сознании израильтян английский меньше, чем любой другой язык связан с какими-либо параметрами «этничности» и «укорененности», но доминирует в сферах «практической ценности» и «социальной востребованности»²⁸.

Важно подчеркнуть, что ощущение «социальной востребованности» английского языка в Израиле никоим образом не вытекает из существования разветвленного культурного сообщества носителей языка. По данным Центрального статистического управления Израиля, в

1919–1998 годах в *Эрец-Исраэль* / Государство Израиль репатриировались 3 млн. 196 тыс. еврейских иммигрантов и членов их семей, из которых только 4,4% (142 108 человек) прибыли из англоязычных стран (82 636 иммигрантов прибыли из США, 29 176 — из Великобритании, 17 352 — из ЮАР, 8612 — из Канады, 4332 — из Австралии и Новой Зеландии²⁹). Как отмечает Р. Нир, «английский язык занимает особое положение по двум причинам: из-за влияния американской культуры и из-за того, что он становится средством международного общения»³⁰.

Выходцы из стран Магриба и статус арабского языка в Израиле

Динамика развития арабского языка в Израиле диаметрально противоположна всему сказанному о статусе и распространении английского. Из стран, основным языком которых является арабский, в *Эрец-Исраэль* / Государство Израиль прибыли 632 тыс. человек (19,8% от общего числа репатриантов за 1919–1998 годы), из них почти 269 тысяч — из Марокко, 130 — из Ирака, 66 — из Йемена, 54 — из Туниса, 38 — из Египта, 37 — из Ливии, 26 — из Алжира, 8 — из Сирии и 4 тысячи — из Ливана³¹. Начиная с VII–IX веков арабский язык стал разговорным языком большинства евреев, проживавших в этих странах, вытеснив ранее выполнявший эту функцию арамейский язык. Переход на арабский открыл еврейские общины Южного и Западного Средиземноморья влиянию арабской культуры, аккумулировавшей — благодаря многочисленным переводам на арабский язык с греческого, арамейского, персидского и хинди — значительную часть культурного наследия античного мира и домусульманского Востока. На арабском языке писали выдающиеся еврейские писатели и ученые средневековья, в том числе Ицхак б. Шломо Исраэли (ок. 855–955), Саадия Гаон (882–942), который, в числе прочего, перевел Библию на арабский, и Хай б. Шрира Гаон (939–1038), среди других сочинений составивший по-арабски глоссарий трудных слов Библии и Талмуда, в котором слова трактуются на основе трехбуквенного корня. Перечень выдающихся еврейских авторов мусульманской Испании, писавших по-арабски на философско-теологические темы, включает имена Ибн

Гвироля (1021–?1055), Иосифа Ибн Цаддика (ум. в 1149 г.), Моше Ибн Эзры (1089–1164), Иехуды ха-Леви (1175–1141) и Маймонида (1138–1204).

Однако жестокая реальность арабо-израильского конфликта привела к тому, что в коллективном сознании израильтян арабский однозначно ассоциируется с языком стран, военное противостояние с которыми унесло жизни почти двадцати тысяч израильских граждан. Арабский не воспринимается в сегодняшнем Израиле как один из основных языков еврейской диаспоры. Подобное эмоциональное отчуждение от арабского языка привело к тому, что лишь около 50% израильских школьников изучают его на протяжении трех лет средней школы (в седьмом–девятом классах), как рекомендует программа Министерства образования Израиля³². Поскольку изучение второго иностранного языка в израильских школах обязательно, существуют все возможности для того, чтобы школьники изучали арабский — язык, являющийся родным для значительной части населения страны (всех израильских арабов и многих евреев — выходцев из стран Северной Африки и Ближнего Востока) и на котором говорят жители всех граничащих с Израилем стран. Однако большая часть школьников отдаст предпочтение французскому, а выходцы из СССР / СНГ — русскому³³. Распространение арабского в израильских еврейских школах сравнительно ограничено, причем готовность Министерства просвещения признать изучение французского, русского и других языков легитимной альтернативой изучению арабского стала важным фактором, ограничившим знакомство еврейских подростков с языком и культурой арабских народов. По данным исследования Э. Бен-Рафаэля, если 89,8% израильтян, знающих английский, выучили его вне рамок семьи, то 82,8% тех, кто знает арабский, выучили его в ходе общения с родителями³⁴. Исследование, проведенное Э. Бен-Рафаэлем и Х. Брошем, показало, что израильские арабы лучше знают иврит, чем большинство евреев — арабский; кроме того, мотивация арабов к изучению иврита выше, чем мотивация евреев к изучению арабского³⁵. По мнению Э. Бен-Рафаэля, арабский имеет в Израиле низкий статус — как в еврейском обществе в целом, так и среди самих выходцев из арабоязычных стран, для которых с высоким социальным положением традиционно ассоциировался французский³⁶. Среди *сефардов* — уроженцев Израиля тенденция формирования иврито-английского

билингвализма в целом соответствует аналогичной тенденции среди других этнокультурных групп.

Следует отметить, что выходцы из стран Северной Африки и Среднего Востока, прибывшие в Израиль в годы массовой алии 1948–1951 годов и впоследствии, в целом приняли идеологию ивритской гегемонии. Уроженцы США, Канады, Австралии и других англоязычных стран де-факто сохраняли и сохраняют английский как основной язык общения в семьях и в общинных институтах, однако их сильная сионистская мотивация не позволяла им открыто выступить против «насильственного» насаждения иврита. Для большинства их детей иврит вытеснил английский как основной язык повседневной коммуникации, и факт этот в целом воспринимался их родителями как положительный.

*Языковой капитал выходцев из СССР / СНГ
и сохранение в Израиле русского языка*

Несмотря на успех монолингвистической идеологии, на практике полная гебраизация Израиля была недостижима. В первом поколении иммигрантов всегда оставались пожилые члены семей, не сумевшие овладеть новым кодом общения, и это порождало пассивный билингвализм в следующем поколении. Кроме того, на протяжении всей истории Израиля существовали очаги сопротивления принятым формам аккультурации. Например, идиш в некоторых кругах ультраортодоксов служит своеобразным манифестом отдаленности от светского государства и непрерывности религиозной традиции, сложившейся в диаспоре. И все же именно прибывших в 1990-е гг. 850 тыс. выходцев из СССР / СНГ можно назвать первой языковой и этнокультурной группой, в своем подавляющем большинстве недвусмысленно отвергшей принцип ивритского монолингвализма.

Наличие в Израиле колоссального числа носителей русской культуры во многом способствовало кристаллизации русского еврейского общинного самосознания в Израиле. Вместе с тем выбор русского языка как основного не означает автоматической приверженности идее секторального обособления. Местная русскоязычная пресса отражает весь спектр мнений общины по этому вопросу в диапазоне от секторальной обособленности до полной интеграции в израильское

общество³⁷. Большинство иммигрантов молодого и среднего возраста довольно быстро овладевает ивритом, что помогает им в поисках работы и делает их жизнь более разносторонней и насыщенной. Вместе с тем большинство живущих в Израиле представителей постсоветской еврейской интеллигенции негативно относится к израильской государственной политике языковой ассимиляции, которая напоминает им об аналогичном принудительном подходе советских властей к тотальной русификации. Именно в силу проведения в СССР подобной политики подавления национальных языков, в том числе иврита и идиша, советская еврейская интеллигенция считала русский своим основным языком. В наши дни самосознание российской еврейской интеллигенции содержит уникальный сплав, с одной стороны, приверженности своим национальным корням, а с другой — русской культуре, в создании которой, среди прочих, принимали участие писатели, художники и музыканты еврейской национальности. Другими словами, российская еврейская интеллигенция стремится к языковому равноправию и многоязычию, признавая иврит и базирующуюся на нем культуру, но тем не менее продолжая считать свое собственное культурное и языковое самосознание доминирующим³⁸. Кроме того, живущая в Израиле постсоветская интеллигенция в большинстве своем верно оценивает чрезвычайную важность хорошего владения английским языком для собственной социальной интеграции в израильский средний класс³⁹.

По данным исследования Э. Ольштайн и Б. Котик-Фридгут, для большинства молодых репатриантов родной для них русский язык представляет значительную ценность независимо от их мотивации овладеть ивритом⁴⁰. Для них характерна установка на двуязычие. Как результат процветают многочисленные русские книжные магазины, а число газет и других периодических изданий на русском все время растет. Вследствие массового притока русскоязычных репатриантов даже и без принятия каких-либо формальных решений на многих товарах широкого потребления появились ярлыки и пояснения на русском языке. В периоды избирательных кампаний в борьбе за электорат распространяют свои материалы на русском языке не только партии, представляющие преимущественно интересы репатриантов, но и все прочие политические объединения страны. По мнению Л. Глинерта, именно отсутствие централизованной политики привело к столь

уникальному проникновению языка иммигрантов (в его различных функциях) в разные сферы общественной жизни⁴¹. В последнее десятилетие именно изменение в языковой практике Израиля в связи с притоком русскоязычных репатриантов привело и к изменению языковой идеологии в сторону большей толерантности к многоязычия.

Заключение

В наши дни языковая политика в Израиле находится в состоянии перехода от устоявшейся монолингвистической идеологии к мультилингвализму⁴². Перемены, происходящие в израильском обществе в последние десятилетия, не могли не сказаться и на «котировке» различных языков. Английский не только стал вытеснять иврит в науке, культуре и наукоемких производствах, но и превратился в один из обязательных компонентов продвижения по социальной лестнице. «Революционное» возрождение иврита столкнулось сегодня с любопытным парадоксом: именно в тот момент, когда иврит стал родным для всего населения, он начал терять свою роль языка, на котором «все может быть сказано и создано»⁴³. Это происходит на фоне общего упадка сионистской идеологии в Израиле и, соответственно, идеи «плавильного котла», бывшей ее интегральной частью.

Во времена расцвета сионистской идеологии адепты возрождения иврита провозглашали необходимость достижения национальной и культурной независимости. Готовые поступиться собственным культурным и языковым достоянием, накопленным в странах диаспоры, они ожидали того же и от других иммигрантов. Это и сделало возможным возрождение устного иврита. На протяжении XX столетия ситуация изменилась; ныне маятник истории качнулся в противоположную сторону. Идеология отмежевания от других культур сменилась стремлением влиться в общий поток глобализации, а внутренние этнические различия обострились, поставив под сомнение успех формирования единой израильской нации. Сегодня Израиль возвращается к традиционному еврейскому многоязычию, отражающему богатство и разнообразие еврейских культур. С другой стороны, под вопросом оказалось сохранение целостной национальной и культурной идентификации Израиля.

Примечания

1. *Rabin C.* The Continuum of Modern Literary Hebrew // The Great Transition. The Recovery of the Lost Centers of Mordern Hebrew Literature / Ed. Abramson G., Partiff T. USA: Rowman and Allanheld Publishers, 1985. P. 11–28.
2. *Spolsky B., Cooper R.* The Languages of Jerusalem. Oxford: Clarendon / Oxford University Press, 1991. P. 31.
3. Там же. С. 57–58.
4. О понятии «диглоссия» см.: *Ferguson C.* Dyglossia // Word. 1959. Vol. 15. P. 325–340.
5. *Spolsky B.* Hebrew After a Century of RLS Efforts // Can a Threatened Language Be Saved? Reversing Language Shift, Revisited: A 21st Century Perspective / Ed. Fishman J. Clevendon: Multilingual Matters, 2000. P. 350–364.
6. Цит. по: *Фишлер Б.-Ц.* Иврит как связующее звено // Возрождение иврита в Израиле. Сб. ст. М.: Изд-во «Еврейский мир», 2000. С. 35.
7. *Bachi R.* A Statistical Analysis of the Revival of Hebrew in Israel // Scripta Hierosolymitana. 1956. Vol. 2. P. 179–247.
8. *Фишлер Б.-Ц.* Иврит как связующее звено. С. 37.
9. Там же. С. 38.
10. Данные о населении Палестины в эпоху мандата см.: *Халамши А.* Иерусалим в период британского мандата. Тель-Авив: Открытый ун-тет Израиля, 1998. С. 36.
11. См.: *Fishman J.* The Role of the Tshernovits Conference in the Rise of Hebrew // Language Spread / Ed. Cooper R. Bloomington: Indiana University Press, 1982. P. 291–320.
12. См.: *Spolsky B.* Hebrew language revitalization within a general theory of second language learning // The Influence of Language on Culture and Thought. Ed. Cooper R., Spolsky B. Berlin: Mouton de Gruyter, 1991. P. 137–155.
13. См.: *Rabin C.* The Revival of the Hebrew Language // Ariel. 1969. Vol. 25. P. 25–34.
14. *Fishman J.* Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevendon: Multilingual Matters, 1991.
15. См.: *Spolsky B.* Hebrew language revitalization...
16. См.: *Yanai N.* Ben-Gurion's Concept of Mamlachtiut and the Forming Reality of the State of Israel // Jewish Political Studies Review. 1989. Vol. 1. P. 151–177; *Medding P.* The Founding of Israeli Democracy, 1948–1967. Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 134–176.
17. См.: *Дауту А.* Создание государства и формирование нации // Становление израильской демократии. Тель-Авив: Открытый ун-тет Израиля. Кн. 1. 2001. С. 18–22.
18. Цит. по: *Азарьягу М.* Золотые своды «Макдональдса» // Паним [Лица]. 1998. № 5. [на иврите].
19. См.: *Ben-Rafael E.* Language, Identity, and Social Division. The Case of Israel. Oxford: Clarendon / Oxford University Press, 1994. P. 50; Еврейские языки и

- диалекты // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2. Иерусалим: Об-во по исследованию еврейских общин, 1982. Кол. 417–420.
20. См.: *Katz P.* Ethnicity Transformed: Acculturation in Language Classes in Israel // *Anthropological Quarterly*. 1982. Vol. 55. P. 99–111.
 21. См.: *Shohamy E.* Issues of Language Planning in Israel: Language and Ideology // *Language Planning Around the World: Contexts and Systemic Changes* / Ed. R. Lambert. Washington: National Foreign Language Center, 1994. P. 131–142.
 22. *Рубинштейн А.* Один народ — один язык // *Ха-арец*. 16 янв. 2000 г. [*на иврите*].
 23. См.: *Ben-Rafael E.* Language, Identity, and Social Division. The Case of Israel. P. 113.
 24. *Nadel E., Fishman J.* English in Israel: A Sociolinguistic Study // *The Spread of English. The Sociology of English as an Additional Language* / Ed. Fishman J., Cooper R., Conrad A. Rowley: Newbury House, 1977. P. 160.
 25. См.: *Cooper R.* Language and Social Stratification among the Jewish Population of Israel // *Readings in the Sociology of Jewish Languages* / Ed. Fishman J. Leiden: E.J. Brill, 1985. P. 65–81.
 26. См.: *Spolsky B.* The Role of English as a Language of Maximum Access in Israeli Language Practices and Policies // *Studia Anglica Posnaniensia*. 1998. Vol. 33. P. 377–398; *Cooper R.* Fantastic Israeli Attitudes towards English // *The English Language Today* / Ed. Greenbaum S. Oxford: Pergamon Institute of English, 1985. P. 233–241; *Spolsky B., Shohamy E.* Language in Israeli Society and Education // *International Journal of the Sociology of Language*. 1999. Vol. 137. P. 93–114.
 27. См.: *Statistical Abstract of Israel*. Vol. 36. Jerusalem: Central Bureau of Statistics, 1985. P. 655.
 28. См.: *Ben-Rafael E.* Language, Identity, and Social Division. The Case of Israel. P. 118.
 29. Суммарные данные рассчитаны на основе табл. 5–3 в: *Statistical Abstract of Israel*. Vol. 50. Jerusalem: Central Bureau of Statistics, 1999.
 30. *Нур П.* Иврит на пороге XXI века // *Возрождение иврита в Израиле*. Сб. ст. М.: Изд-во Еврейский мир, 2000. С. 20–21.
 31. Суммарные данные рассчитаны на основе табл. 5–3 в: *Statistical Abstract of Israel*. Vol. 50; представленные в табл. данные округлены.
 32. *Spolsky B., Shohamy E.* National Profiles of Languages in Education. Israel — Language Policy. Research Report. Ramat-Gan: Bar-Ilan University, 1996.
 33. *Kraemer R., Olshtain E.* The Social Context of Second Language Learning in Israeli Schools // *Israel Social Science Research*. Vol. 9 (1–2). P. 161–180.
 34. См.: *Ben-Rafael E.* Language, Identity, and Social Division. The Case of Israel. P. 117.
 35. См.: *Ben-Rafael E., Brosh C.* A Sociological Study of Second Language Diffusion: The Obstacles to Arabic Teaching in the Israeli School // *Language Problems and Language Planning*. 1991. Vol. 15. Issue 1. P. 1–23.

36. См.: *Ben-Rafael E.* A Sociological Paradigm of Bilingualism: English, French, Yiddish and Arabic in Israel // *Israel Social Science Research*. 1994. Vol. 9. P. 181–206.
37. См.: *Lissak M., Leshem E.* The Russian Intelligentsia in Israel: Between Ghettoization and Integration // *Israel Affairs*. 1995. Vol. 2. Issue 2. P. 20–36.
38. См.: *Kheimets N., Epstein A.* Confronting the Languages of Statehood: Theoretical and Historical Frameworks for the Analysis of Multilingual Identity of the Russian Jewish Intelligentsia in Israel // *Language Problems and Language Planning*. 2001. Vol. 25. Issue 2. P. 121–143.
39. См.: *Kheimets N., Epstein A.* The Role of English as a Central Component of Success in the Professional and Social Integration of Scientists from the Former Soviet Union in Israel // *Language in Society*. 2001. Vol. 30. Issue 2. P. 187–215.
40. *Olshtain E., Kotik B.* The Development of Bilingualism in an Immigrant Community // *Language, Identity and Immigration* / Ed. Olshtain E., Horenczyk G. Jerusalem: Magnes Press, 2000. P. 201–217. См. также: *Котик-Фридгут Б.* Динамика языковой ситуации и языковой политики в Израиле // *Миграционные процессы и их влияние на израильское общество* / Под ред. А. Эпштейна, А.М. Федорченко: Ин-тут изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. С. 182–197.
41. *Glinert L.* Inside the Language Planner's Head: Tactical Responses to New Immigrants // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 1995. Vol. 16. Issue 5. P. 351–371.
42. *Spolsky B., Shohamy E.* The Languages of Israel: Policy, Ideology and Practice. Clevedon: Multilingual Matters, 1999.
43. *Herzog H., Ben-Rafael E.* The Study of Language and Communication in Israeli Social Sciences // *Language and Communication in Israel* / Ed. H. Herzog, E. Ben-Rafael. New Brunswick: Transaction Publishers, 2001. P. 3–27.